

12 - Скрытый сигнал

С тех пор как я упокоил Имяносителя в своих воспоминаниях, пришло, наконец, время мне вернуться к своим обязанностям в качестве Надзирателя. У меня появились новые положительные и в то же время амбициозные для их продвижения перспективы, не было ощущения ревности и всепоглощения, как это было еще совсем недавно.

Новая колония с горной стороны поживала не очень хорошо. Возвышение без защитных плотных деревьев выразилось в более холодных температурах и сильном ветре. Довольно много особей вымерло в течение еще более холодных зимних месяцев, и только семьи, состоящие из четырех или пяти членов, казалось, генерировали достаточно тепла в ночное время, а иногда даже этого было едва достаточно. Ящерицы также понимали это, поэтому семьи из двух и трех членов группировались вместе, чтобы было теплее. Это было печально. Они держались друг за друга в любви и в смерти, когда холод забирал их.

Что я мог сделать для них, чтобы они больше не умирали? Должен ли я призывать их вернуться обратно в лес? Они так сильно пытались обустроить дом здесь на склоне горы, но это было сложно. Для того, чтобы им преуспеть в колонизации горы, что-то должно было измениться, и быстро.

Я не мог себе позволить медленно адаптировать их. Было ли что-то заперто в моих воспоминаниях, что могло бы это компенсировать? Я позволил себе дрейфовать, глубоко погружившись в мысли. Что-нибудь, что угодно, что сможет помочь им. Внезапно на меня нахлынуло вдохновение, оно грянуло в моем разуме, как разбивающаяся на скалистых утесах волна во время прилива. Оно горело; было горячо. Моя сущность пылала в памяти, выпущенной на свободу.

Огонь. Контролируемый огонь. Еще одно возродившееся воспоминание из былых времен. Оно было сильным, даже необходимым, и я не понимал, почему не подумал об этом раньше. Он был полезен для такого большого количества вещей, которые, кроме тепла, я не мог вспомнить. Ящерицы были умны, они смогут придумать много применений для этого, возможно даже такие, которые не могу я.

Я знал огонь почти так же хорошо, как я знал большие пальцы. Я мог вспомнить его важность, даже если не мог вспомнить все, для чего он использовался. Я знал, что он из себя представляет, но потом появилась проблема. Как сделать огонь? Я мог вспомнить огонь и что он мог быть сделан, но я был не в состоянии вспомнить метод.

А потом появилась еще одна проблема. Я не имел ни малейшего представления о том, как показать им преимущество контролируемого огня. Для них, как правило, огонь означал смерть или то, что нужно было избегать. Лесные пожары были вполне реальной опасностью для обитателей лесных колоний, и большинство существ имело естественный страх огня. К счастью, высокие деревья в лесу были приспособлены и устойчивы к огню, хотя и полностью не застрахованы от него. Лесным пожарам было трудно распространяться там, где деревья были более редкими, но более растительные участки всегда получали наибольший ущерб от пожара. Когда такие лесные пожары были замечены, лесные колонии полностью освободили территорию, пока пожары не утихли, надеясь, что их дома не будут затронуты, но при этом не рискуя. В связи с тем, что эта колония вышла из лесной колонии, страх огня очень укоренился в них.

Мог ли я притупить их страх? Я не знал. Прежде чем показать им огонь, я должен был сделать

что-то с их страхом. Я не мог полностью избавить их от страха, огонь по своей природе был опасен и им следовало вести себя с ним осторожно. Даже контролируемый огонь мог таил в себе опасности. Связанное воспоминание? Больше похоже на понятие, но я знал, что оно было правдой.

Было так много "если", так много проблем. Во-первых, я должен был найти корень их страха. Может быть мне придет что-то в голову, стоит мне только найти его. Я посмотрел на одну из семей, которая ютилась близко друг к другу в отверстии дерева. Их нора находилась в стороне от отверстия самого дерева, но прохладный весенний ветер до сих пор свободно продувал ее, и листва, которую они собрали для утепления, не могла его полностью сдержать.

Я протянул руку к одной из ящериц, пожилой самке. У нее был один выживший после зимы детеныш, которого она держала близко в центре всей группы ютившихся вместе тел ее семьи. Я прикоснулся к ней и почувствовал как растекался по ней. Я проник глубоко, глубоко внутрь нее. Я не знал, что я должен искать, и мог только надеяться, что узнаю, стоит мне только наткнуться на это.

Я блуждал по ее воспоминаниям. Она была молода, когда ее родители переселили ее семью в колонию на склоне горы, но она тем не менее была одной из первых переселенцев, как и большинство взрослых. Но то, что я искал, по пришло из ее воспоминаний. Я позволил себе дрейфовать через нее, ее тревожные эмоции за свою семью и то, что может принести завтра, и надежду, что ее последний молодой сын будет просыпаться каждое утро. Ее опасения были вполне обоснованными с потерей четырех малышей в ее семье только прошлой зимой. Но я по-прежнему желал предоставить ей душевное спокойствие. Я послал ей чувство успокоения через ее семейное сердце, и мог ощущать, как ее тело расслабилось вокруг меня. Это было все, что я мог сделать, пока не найду то, что ищу.

Ее пульс был мягким во время отдыха, но он по-прежнему был сильным и здоровым. Она не поддается стихии легко. Ее нервы оставались чувствительными к изменениям в окружающей среде, чтобы она могла проснуться в любой момент. Но опять же, это было не то, что я искал. Я дрейфовал все дальше, глубже. Здесь должно быть что-то, что только и ждет, когда я его найду.

Я видел у нее яйца, которые только недавно были оплодотворены, только в последние несколько дней. Потребуется еще некоторое время, прежде чем они будут готовы к тому, чтобы быть отложенными. Я насчитал четыре в общей сложности, и надеялся, чтобы все пережили инкубационный период.

Я чувствовал как дрейфую все ближе к яйцам, которые находились еще на ранних стадиях развития. Крошечный эмбрион медленно увеличивался в размерах, кормясь питательными веществами, предоставляемыми здоровой матерью. Хотя я всегда ощущал стадию развития, это был первый раз, когда я почувствовал, что уже видел ее. Как странно, что это маленькое странное существо вырастет в красивую ящерицу к моменту вылупления.

Я присмотрелся к тому, как развивались ее чешуйки, желая увидеть как возникают темные чешуйки, которые могут переливаться таким множеством цветов. Найти это было легко, готовое к развитию, оно только ожидало своей очереди, чтобы начать расти вместе с остальной частью молодого эмбриона.

Я продвинулся еще ближе и нашел что-то странное в этом. Я мог видеть много сигналов, пульсирующих через неразвитое тело, направляющих части туда, где они должны были формироваться и расти. Чешуйки также получили сигнал, но в этом сигнале я видел потенциал, о существовании которого не знал. Я был так удивлен, что не знал, как поначалу

смогу использовать это. Сигнал, который был послан, отвечал за много возможностей, содержащихся здесь в этой недоразвитой чешуе. Я протянулся к ней, коснулся ее. Я мог бы изменить ее. Я мог бы дать сигналу другие инструкции, указывать на то, чтобы он дал больше или меньше компонентов чешуе. Возможность уже существовала здесь, ее просто нужно было переделать.

Я почувствовал как засиял странного вида улыбкой. Я был одновременно в приподнятом настроении и изумлен. Я не нашел корень их страха огня, я нашел что-то гораздо более невероятное. Я протянул руку к другим развивающимся яйцам, давая их сигналу те же инструкции.

Все это существовало здесь. В будущем им потребуется огонь, и я мог бы облегчить для них его принятие. Это сохранит их будущие поколения, проживающие вдоль склона горы.

Я отступил и наблюдал, как эмбриональные ящерицы развиваются внутри своей матери, затем внутри яиц после того, как они были отложены, пока, наконец, они не вылупились. Жидкость из яйца сделала их влажными и странными на вид, и даже их родители не знали, что и думать, когда все четверо вылупились. Их старший брат, который пережил холодную весну, смотрел на своих молодых братьев и сестер с тем же странным выражением.

Четырех ящериц украшал странный слой, мокрый от содержащихся в яйцах жидкостях. Их мать принялась слизывать с них оставшуюся жидкость, возможно пытаясь удалить ту странную вещь, которая прилипла к ним, прежде чем они вылупились. Ее трое самцов последовали ее примеру с тремя другими детенышами.

Вылизывание не избавило их от странного слоя, но помогло высушить его. Вскоре после их первой "ванны", сухой слой выровнился, несмотря на то, что был мокрым. Я нашел их очаровательными. Каждая маленькая ящерица имела тонкий слой пуха на своей коже. Он был невероятно мягким, и, самое главное, теплым. Он даже мог мерцать точно так же, как чешуя их родителей.

Несмотря на то, что он был похож, все же пух не был шерстью млекопитающего. Это было примитивное оперение.